

Игорь Скляр:

Работа есть работа - и никаких суббот

Смена - С. - П. - 1996 - 12 апр. - с. 6

В МАЛОМ драматическом спектакли начнутся в мае. Может, поэтому за кулисами было особенно тихо - без привычного оживления, которым даже в середине дня заражает вечерний спектакль. Таким же тихим и серьезным оказался Игорь Скляр, пришедший в гримерку после репетиции.

- Игорь, в кино и на эстраде вас знали обаятельным мальчиком, который прекрасно поет, двигается и улыбается. И вдруг мощная актерская работа в фильме Арановича "Год собаки". Человечески вы тоже изменились?

- Думаю, нет. Может, это покажется диковатым, но у меня полное ощущение, что я ни капли не изменился лет с четырнадцати-пятнадцати. Естественно, говорю не о внешности или утилитарном опыте бытового общения. Ясно, что к сорока годам человек более сориентирован в жизни, ему приходится зарабатывать деньги и кормить семью, но его нравственная суть, основы личности формируются годам к пятнадцати. Так во всяком случае произошло со мной.

- Вы прямо подавляете своей серьезностью.

- Я рассказываю о себе так, как мне хочется. Если вам не нравится мой язык, могу попытаться говорить по-другому. Но каким бы манером ни отвечать на вопрос о разнице между мною - мальчиком из джаза и актером, снявшимся в "Год собаки", смысл ответа не изменится: разница - незначительная, поскольку и там и там - я. Причем этот "я" в жизни не так часто улыбается, как в кино, и куда реже распускает перья. Не такой рубаха-парень, способный запросто освоиться в любой компании. Достаточно закрытый, с ограниченным кругом друзей.

- Но закрытость не помешала вам сняться в недавней телепередаче, где шел разговор о любви с демонстрацией супружеских пар.

- Я ведь там не изображал из себя сил избыток чувств к сидящей рядом жене!

- Ну да, за руку ее брали, стихи по книжке читали.

- После каждой передачи или интервью страшно кланю себя и обещаю никогда больше этого не делать. Потому что в ситуации, принуждающей тебя всенародно объявлять о своих чувствах, взглядах, переживаниях, есть что-то ненатуральное. Я не публицист, не политик, занимаюсь только тем, чем занимаюсь. И когда меня спрашивают: что вы лично хотели заявить той или иной ролью? - чувствую себя человеком, которого просят объяснить анекдот. Рассказал анекдот - никто не смеется. Погодите, ребята, вы не поняли. Я вам сейчас объясню: вот-врей, он пришел в синагогу... Или грузин - он пришел на рынок, ну и так далее. Что мо-

жет быть глупее и неблагодарнее, чем объяснять анекдоты! И потому, сколько бы меня ни спрашивали о моих конкретных мыслях или чувствах - уверяю, если я не самовлюбленный идиот, то на восемьдесят процентов оставляю их при себе, как любой нормальный человек. Другое дело - когда разговор идет о работе, той жизни актерской, которую я веду. Здесь необъятное поле человеческих чувств, отношений. Здесь невозможно остановиться, никогда не бывает достаточно.

- И никогда не хотелось освободиться от этого колоссального эмоционального напряжения - ежедневных репетиций, спектаклей, съемок?

- Все думают об этом - рано или поздно. Но когда работа становится образом жизни, от нее все равно не избавиться, она с тобой постоянно, не только на сцене. Я сейчас с репетиции "Чевенгура". Мы с вами разговариваем, а он меня не покидает. Где-то в подсознании продолжаю оставаться там: как что-то найти, выразить, сделать своим? Когда выхожу из театра, сажусь за руль, еду в магазин или домой - то же самое. Это для меня естественно и необходимо как дыхание. Ведь невозможно дышать только шесть часов в сутки, что проводишь в театре, а остальное время жить без кислорода.

- Съемки "Года собаки" так же поглощали?

- Целиком. Когда мы снимали в Старой Ладоге и месяцы с лишним жили в Волхове, то почти не расставались. Днем снимали, вечером, ночью - ужинали и разговаривали, разговаривали. Обсуждали сцены, практически переписывали сценарий - что-то выкидывали, что-то, наоборот, включали. Соединяли куски из разных мест - шел постоянный процесс, очень близкий к театральному. Не то что на некоторых съемках - сбежались артисты после репетиций, наспех выучили текст: ты сюда - ты сюда. Сняли! Отлично! Разошлись... Там мы существовали в маленьком театре.

- Аранович легко на вас вышел, когда искал героя для своего фильма?

- Нет, он пришел на "Стройбат", где я замещал одного актера, смотреть совсем другого молодого человека. Но осматривался на мне, вероятно, что-то увидел. Хотя кроме ввода в "Стройбат" есть спектакль "Повелитель мух", есть "Братья и сестры", наконец, "Бесы", где

я играю совсем разные роли - неблагополучных, страдающих людей, выглядящих весьма противно и далеких от настроения реванш куда-нибудь на неделю до второго.

- Сниматься сразу согласились?

- Конечно. Я ведь знал, что это написано для Чуриковой, которую давно люблю. Наверно, у нее поначалу были определенные сомнения насчет моего партнерства. Потом они прошли.

- И сложились отношения на равных?

- Да, насколько это возможно.

- Стали товарищами, партнерами, исчезла дистанция?

- Она не исчезла до сих пор. По большому счету я понимаю, что мы не чужие друг другу - скажем так. Но в чем-то...

- Не влюбился?

- Влюбился, естественно. У меня там есть фраза: "Какая ты красивая!" - я несколько не лукавил, когда произносил ее. Здесь не о внешности разговор, внешность может быть любой. Она невероятно умна по-женски, исключительно чуткий, добрый, иногда, как любой из нас, крайне деспотичный человек - и прекрасная женщина, что касается самой сути этого слова. Ну, и, конечно, сказочная партнерша.

- Не мешало, что снимают кусками, камерой стрекочет?

- Так в этом главный кайф и есть. Стоит камера, вокруг собрался малознакомый народ. Во всяком случае не такие близкие люди, как в театре, с которыми связан десятилетиями, и потому перед ними не так стыдно обнажаться, хотя и в театре это каждый раз происходит как бы заново. Но в том-то и кайф, что при таком человеческом и актерском партнерстве (вещи неразделимые, если все по-настоящему) нам уже не до камеры. Это те самые секунды вдохновения, когда получаешь счастье и наслаждение, которое сравнить не с чем. Очень точно, по-моему, сказал Юрский, беседуя с нами - студентами в Учебном театре: сцена - единственное место, позволяющее быть самим собой.

- А были моменты счастья менее возвышенного происхождения: я, мальчик из Курска, состоялся - популярен, снимаюсь, объездил весь мир?

- Когда-то было очень сильно это чувство - доказать, вмазать. Помню, как меня везли на какой-то праздник в Доме кино - в черной "Волге", по Арбату, мимо кинотеатра "Октябрь", где висела огромная афиша с моим лицом, улыбающимся всю стену дома. И подбросила мысль, дословно - приехал мальчик из Курска и доказал! Но со временем я понял, что

жизнь - постоянное доказательство, и прежде всего самому себе: можешь ли заниматься этим делом? И постоянное сомнение: действительно можешь?

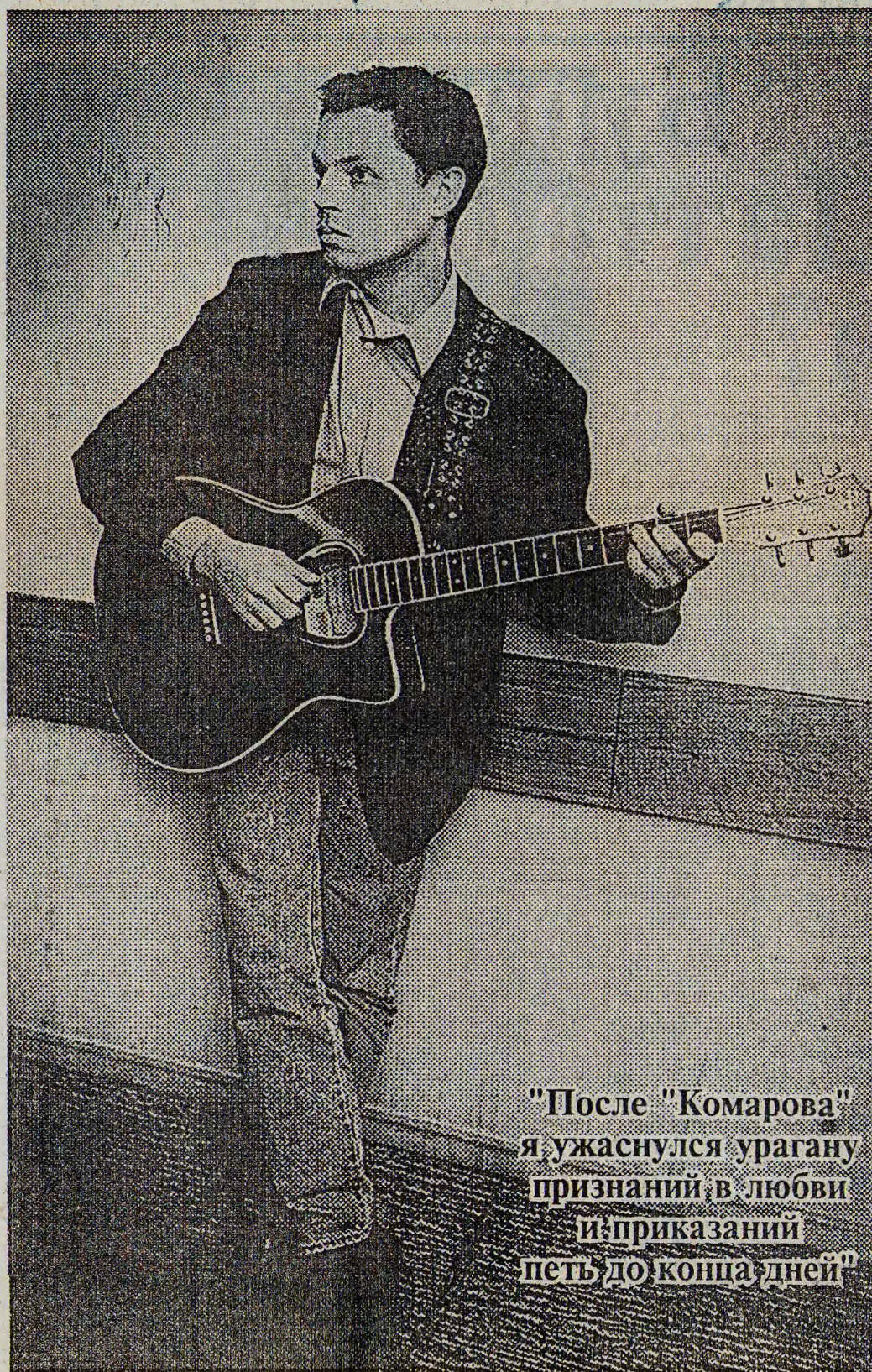
Даже после "Года собаки" я почувствовал, как изменилось ко мне отношение людей, которых уважаю, с кем хотел бы находиться в дружеских или приятельских отношениях. Они стали чуть иначе со мною разговаривать, нежели пять лет назад. При всей популярности я был в их глазах симпатичным, обаятельным, может, и талантливым, но не более того. А теперь - трудно этому неуловимому изменению найти слова - они вроде приняли меня в свою компанию людей, что-то сделавших в жизни. Хотя опять-таки сознание: "Все, сделал!" - губительно в профессии. Нелзя сделать один раз и на том успокоиться. Кажется - тыфу-тыфу! - мне это не грозит. Даже соблазна не возникало сказать себе: тебя знает страна, можешь всю жизнь распевать про Комарова и субботу без забот.

- Очень славные песни. Почему вы о них говорите с таким пренебрежением?

- Я их люблю, но они для меня не больше, чем хобби, которое не может стать содержанием жизни. Когда мне предложили записать песню, я с интересом и готовностью согласился, потому что у меня было свое представление о жанре под названием "эстрада". На эстраде или концертах я видел людей, занятых почти механической работой - они демонстрировали костюмы, свет, аппаратуру, еще что-то. Но не было в этом мертвом море формальных приемов и ухищрений волны радости - соответственно, и в зал ничего не переливалось. По-моему, на эстраду нужно выходить с ощущением праздника, тогда отклик неизбежен, независимо от текста и музыки. После "Комарова" я ужаснулся урагану писем, который на меня обрушился. Урагану признаний в любви, пожеланий и чуть ли не приказаний петь до конца дней. Именно такой нам нужен! А я всего лишь поделился радостью - и люди взяли ее и с хорошим настроением пошли дальше по этой суровой жизни.

- У вас есть какие-то собственные приспособления для поднятия духа? Что-то типа клейких листочков, которые распускаются под окном, или запущенной с утра бодрой музыки?

- Я с подозрением отношусь к подобным рецептам. Все это очень индивидуально, и ощущение праздника может возникнуть от чего угодно. От вида здорового сына, да и не совсем здорового - тоже, от ужина, с любовью приготовленного женой. Женой, которую знаешь



"После "Комарова" я ужаснулся урагану признаний в любви и приказаний петь до конца дней"

двадцать лет, и вроде все уже между вами сказано и пережито. От вдруг накатившего ощущения покоя и защищенности, когда приезжаешь домой.

- Замечено, что нередко источником покоя для наших артистов, осязаемым свидетельством успеха и заслуг становится квартира в центре. Для вас это важно?

- Не задумывался, насколько важно. Зато удобно. Тяжело по несколько раз в день часами добираться на работу. Сейчас живу в районе Таврического, предложило в свое время государство. А до тех пор у меня и жены было по комнате в коммуналке.

- Итак, вы богаты, с хорошей квартирой...

- Я бедный человек со средней квартирой. С плохой машиной, у которой маленькие колеса, не рассчитанные на наши

дороги. Знакомому механику, постоянно чинящему мою "Оку", непонятно, почему я на ней езжу. Он говорит: ты, наверно, скрываешь свои доходы и копишь под ними. Но, во-первых, у меня нет денег на хорошую машину, а во-вторых, ездить - и слава Богу. Нас трое в семье, нам хватает.

- А чего не хватает, о чем мечтаете?

- Все мечты о доме в Павловске, который я решил построить. Но строительство связано с такими безумными деньгами, что, видимо, когда я туда переберусь, квартиру в центре придется сдавать.

- И станете еще более серьезным и занятым. Читать успеете?

- Чтение тоже, как правило, связано с работой (опять говоря "работа", но это не то слово). Я работаю - мы работаем

над "Чевенгуром", полгода с ним хожу, книжка у меня всегда в сумке. Мне кажется, что "Чевенгур" не то что не оценен - его просто боятся воспринимать, настолько это всеобъемлющая вещь. Я сначала не мог прочесть больше трех страниц сразу. Слишком много в единице слова информации. Некоторые фразы приходилось перечитывать по несколько раз - как Библию, которую сложно читать с чистым, незамутненным разумом. С возрастом, когда больше узнаешь вещей не чувственных, а общечеловеческих, она становится интереснее. Для меня то же самое происходит с Платоновым, который, по-моему, есть Библия нашего времени. Возможно ли найти эквивалент его воплощения на сцене? Но мы работаем с этой философией, с этой прозой, с этим масштабом человеческого зна-

ния. Интересно.

- Кого вы будете играть?

- А не знаю.

- И полгода вас вот так...

- Полгода - еще ничего. Достоевского мы с разными перерывами репетировали три с половиной года. Я там играл три роли и в конце концов получил совсем не то, на что рассчитывал вначале.

Сейчас Глеб Панфилов начинает снимать картину, где для меня есть роль, не буду говорить какая. Это конкретное историческое лицо, читаю все, что связано с ним и его эпохой. А в последнее время поймал себя на том, что стал покупать на лотках детективы. Не для того чтобы себя занять, когда нечего делать - делать всегда есть чего. Просто хочется отвлечься, чтобы отпустило. Часа на три в месяц переключаю внимание, забываясь совершенно.

- Додин не убьет, если вы честно ответите на такой вопрос: это не надругательство над природой актера, когда он столько времени занят процессом и от застойного периода до результата - премьеры - тянутся годы? Да ну, вряд ли вы сможете ответить.

- Я могу. Товстоногов, по-моему, говорил, что театр - это добровольное рабство. Но ведь и свобода - всего лишь осознанная необходимость. Иногда спрашивают: не хотите ли работать в другом театре? Не знаю, не вижу другого театра, другого режиссера, у которого мне было бы интересно работать. Увидите - покажите, тогда, вероятно, подумаю. Я так воспитан, привык так относиться к жизни и к тому, чем в этой жизни занимаюсь, что мне ничего другого не надо. Возможно, это убежденность мужика из байки Жванецкого, который считает "Запорожец" лучшей машиной в мире, потому что больше ни на чем не катался. Да, безумно долгий процесс. А как быть, если у меня вся жизнь - этот процесс?

- Неужели не перегораете? Кажется, нашел зерно, попал...

- И что - надо сразу показывать? С теми же "Бесами" у нас были периоды, когда мы репетировали-репетировали, репетировали-репетировали. Вроде бы все - пора на публику, сил нет! А потом прошло время, была премьера, спектакль - более удачные, менее удачные. И только сейчас, когда "Бесы" идут уже четыре года, во время недавних гастролей в Москве спектакль стал набирать тот уровень смысла, к которому мы стремились. Я уверен, что даже через год репетиций с заученным текстом этого не случилось бы просто физиологически. Потому что ребенку положено родиться через девять месяцев. Слониха его носит два года - и получается слон. А кошка рождает в год четыре раза. Зато и рождает котенка, а не слона... Это вовсе не значит, что чем дольше репетируешь, тем лучше играешь. Но есть вещи, которые лишь со временем становятся твоими. Хотя бы отчасти.

Беседовала Елена

ЕВГРАФОВА

Фото Павла МАРКИНА